
К ВОПРОСУ О НОВЫХ МЕТОДАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ РАСКУЛАЧИВАНИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

**Рец. на: Раков А.А. Социально-экономические аспекты
«раскулачивания» крестьян Южного Урала (1930–1934 гг.). –
М.: МАКС-Пресс, 2012. – 193 с. – Тир. 500 экз.**

Н.Л. Рогалина, И.В. Гончарова

В минувшие два десятилетия в аграрно-экономической науке и крестьяноведении произошло явственное расширение поля исторических исследований, обновление и смена проблематики, пересмотр устоявшихся концепций и выдвижение новых вопросов, чему способствует привлечение комплекса ранее недоступных документов и источников. Введение в научный оборот большого количества нового статистического материала, рассекретивание имен пострадавших от репрессий крестьян делает актуальным обращение к новым методам обработки количественных источников, в том числе созданию баз данных.

Проблематика раскулачивания в последние полтора десятилетия переживает бум: отпочковавшись от проблемы коллективизации, она двинулась в самостоятельное научное плавание в русле формирования репрессивной системы тоталитарного государства, кулацкой ссылки и принудительного труда.

В монографии А.А. Ракова процесс раскулачивания рассмотрен на его трагическом начальном этапе, на почве сплошной коллективизации, что методологически верно. В соответствии с проблемно-хронологическим принципом изложения выделены основные главы, в которых раскрывается процесс раскулачивания в трех округах Южного Урала – его предпосылки, ход и результаты.

Монография основывается на комплексе исторических источников, среди которых главное место принадлежит материалам из центральных, областных и местных архивов. На их основе процесс раскулачивания выявлен и освещен как на обобщенном, так и на индивидуальном уровне, чему способствовало привлечение источников личного происхождения – мемуаров, а также периодики.

А.А. Раков широко использовал законодательные и делопроизводственные материалы, статистику, а главное – многотомные издания документов по истории коллективизации, крестьянской ссылки и сталинского Гулага, появившиеся в последнее десятилетие. Они не просто названы и выборочно процитированы, но и вплетены в ткань исследования.

Это помогло выявить общее и особенное в процессах раскулачивания, отразить уральскую и южноуральскую специфику на общесоюзном фоне. В этом плане работа Ракова – весьма удачный пример введения в научный

оборот опубликованных источников. Характеристика групп источников, представленная в работе, отличается тщательностью критического анализа.

Монография написана в «мейнстриме» современной исторической науки – региональной истории, микроистории и социальной истории. Ее отличает выраженная междисциплинарность, заметное расширение исследовательского поля с опорой на комплекс исторических, математических и социологических методов.

Автор доказывает репрезентативность источников, обосновывает целесообразность использования выборочного метода в случаях, когда сплошное изучение генеральной совокупности сведений невозможно. Это помогает историку в изучении процесса раскулачивания крестьян в тех регионах, где архивные материалы фрагментарны или сильно пострадали в период Великой Отечественной войны.

В первой главе, где рассмотрены источниковедческие и методические аспекты, представлен качественный анализ различных видов источников, Авторские таблицы наглядно раскрывают процесс работы с источником. Представлена «Информационная структура источника» по трем группам по анкетным материалам, продемонстрирован источниковый потенциал различных фондов.

Структурирование и обобщение архивных данных о раскулаченных приводится как на уровне массовых источников, так и на индивидуальном. В работе рассматриваются разносторонние характеристики на более чем 1000 раскулаченных семей, составляющих 11,8% от генеральной совокупности.

Созданная автором база данных раскулаченных крестьян Южного Урала стала инструментом анализа обобщенных характеристик раскулаченного двора и последующей реконструкции социального портрета раскулаченных на Южном Урале.

В главе второй – «История раскулачивания на Южном Урале» – выявлены общие и особенные черты в административных, экономических, социальных и политических аспектах кампании по раскулачиванию Южного Урала в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

Исследование динамики коллективизации по округам Южного Урала показало наличие определяющих общих закономерностей, присущих изучаемым процессам коллективизации и раскулачивания. А точнее – наоборот, сначала раскулачивания, а затем и насильственной коллективизации на этой почве.

Выясняется, что и для Урала характерно большое количество крестьянских выступлений (52 – только в первые три месяца 1930 г.).

Так же, как и в большинстве производящих районов, распространился массовый голод 1932–1933 гг., вызвавший чрезвычайно высокую смертность в южноуральских спецпоселках, особенно среди детей. И здесь хлебная разверстка в пик голода вынуждала крестьян прибегать к воровству и хищениям, за которые полагался расстрел с конфискацией имущества, заменяемый на 10 лет лишения свободы лишь в исключительных случаях. То есть раску-

лачивание на Южном Урале проходило, как и везде, в стиле «узаконенного беззакония» и «компанейского правосудия».

Интересен и важен для углубления данной проблематики авторский анализ налогов и налоговой политики.

По замыслу вождей, она должна была решать сразу несколько проблем, как и вся политика «ликвидации кулачества как класса»: выкачать максимально из крестьянских хозяйств материальных и денежных средств в бюджет, в фонд индустриализации и в пользу искусственных и слабых артелей; принудить крестьян к вступлению в колхозы.

Соответствующие авторские подсчеты и их динамика указывают на определенные закономерности и подтверждают некоторые гипотезы. Выясняется, что в ходе кампании по сбору сельскохозяйственного налога на Урале в 1932 г. единоличники заплатили 2/3 налоговых поступлений и что эта цифра почти равна отчислениям от прибылей всех уральских предприятий тяжелой промышленности (388,3 млн руб.) за аналогичный период.

В следующем году данная сумма удвоилась. Этот материал вносит вклад в актуальные научные споры о доле участия сельского хозяйства и промышленности, города и деревни в деле индустриальной модернизации в СССР.

Наличествуют два подхода, внешне противоречащие один другому: А.А. Раков приводит данные, подкрепляющие заключения о преобладающей роли аграрного сектора и о разорении его в процессе «великого перелома».

Едва ли не главной целью экспроприации «кулаков» была установка на обеспечение новостроек даровой рабочей силой. Как показано в исследовании, в результате же эксплуатации принудительного труда спецпереселенцев Уральской области только в 1930–1931 гг. была получена прибыль в размере 2 млн руб. Экономия достигалась не только за счет несправедливой оплаты труда, но являлась также следствием полного игнорирования властями жилищно-бытовых проблем спецпереселенцев.

Анализируя причины, по которым проводилось раскулачивание, автор правомерно доказывает, что они существенно различались между собой; что нормативно-правовая база постоянно менялась, и определяющее значение имела «политическая составляющая», а также немаловажную роль сыграл пресловутый «человеческий фактор» (зависть по отношению к более успешным односельчанам) и многое другое. Убедительно раскрыта антихозяйственная сущность и антикрестьянская направленность политики раскулачивания. Вопреки официальному постановлению раскулачивание предшествовало сплошной коллективизации, а вместо оставления минимальной суммы выселяемым практиковалось «голое раскулачивание», носившее сплошь и рядом характер конфискации всего имущества.

Здесь следует подчеркнуть социальные парадоксы политики раскулачивания, ее внутреннюю противоречивость, разрыв теории и практики, историческое и логическое несоответствие задачам модернизирующейся страны.

Дело в том, что, во-первых, сама партийная линия была весьма извилистой, а во-вторых, и это главное – между центром и регионами сложились своеобразные и сложные отношения. Центр, давая противоречивые и часто невыполнимые директивы в отношении раскулачивания, заставлял местных работников действовать методом проб и ошибок, а те, на свой страх и риск, стремились упростить задачу с пользой для себя.

«Наверху» планировали контрольные цифры, явно превышавшие наличие хозяйств, которые можно было бы формально подвести под кулацкое звание, а районы систематически превышали эти спущенные сверху и за-предельные цифры предназначенных к раскулачиванию. Поскольку в это время старые признаки кулачества отпали, а новые не появились, местным органам приходилось самим выявлять «своих кулаков», тем более что предписывалось признаки кулацких хозяйств устанавливать совнаркомам союзных республик, краевым и областным исполкомам применительно к местным условиям.

Автор проделал кропотливую работу, подробно рассмотрев «операцию по кулаку», определив численность раскулаченных по отдельным категориям. Представленные таблицы математически точно обнаружили отсутствие статистической связи установленных законом признаков кулацкого хозяйства с практикой раскулачивания на Южном Урале: выяснено, что почти половина крестьян, подведенных под вторую категорию раскулачиваемых, не соответствовала даже этим доморощенным критериям и признакам.

В центральной, третьей главе дана реконструкция социального портрета раскулаченных на Южном Урале. Оригинальная авторская модель регионального исследования раскулачивания помогла показать микроструктуру раскулачивания.

Здесь представлены обобщенные демографические (семейные) и хозяйственные (производственные) характеристики типичного «кулацкого» двора.

Как и можно было ожидать, советская власть разорила типичное и перспективное крестьянское хозяйство.

Сделан обоснованный вывод о том, что в долгосрочной же перспективе эти раскулаченные крестьяне могли стать реальной опорой советской власти в деревне, но ввиду необходимости форсированной модернизации оказались жертвами привыкания к нэпу.

Таким образом, состоялось историко-социологическое междисциплинарное исследование на стыке наук, продуктивный синтез социальной и квантитативной истории, исторической информатики, в котором впервые разработана и апробирована работающая модель регионального исследования процесса раскулачивания. Она может быть использована, развита и дополнена в дальнейших исследованиях по социальной истории, истории ментальностей, как на макро-, так и микроуровне. Разработанная модель регионального исследования процесса раскулачивания, описывающая динамику социально-экономического состояния крестьянских хозяйств, может быть

использована для реконструкции социального портрета «раскулаченных» крестьян в других регионах.

Можно пожелать автору продолжить исследование многостороннего и многотрудного процесса «социалистического преобразования» сельского хозяйства. В этой связи хотелось бы видеть больше сравнений с материалами общероссийскими и соседних регионов, что усилило бы анализ общего и особенного в изучении раскрестьянивания, а также разработку исторического материала по 1933 и 1934 гг. – по «политотдельскому периоду», явившемуся следующим этапом в борьбе за коллективизацию.

**ISSUE OF NEW METHODS
OF RESEARCHING DEKULAKIZATION PROBLEM
AT REGIONAL LEVEL**

**Review of A.A. Rakov's work «Social and economic aspects
of Southern Urals peasants dekulakization (1930–1934)». –
M.: MAKS-Press, 2012. – 193 p. – 500 copies**